

Артисты нашего города

отличается всегда особой четкостью линий.

Посмотрите на Л. Морозкину, играющую небольшую роль бетонщицы Зинки в «Иркутской истории». У Зинки-Морозкиной — резкие движения рук, расщепчатый говор, улыбка от уха до уха, честнейшие глаза, чистейшая простая душа. И мы верим актрисе — каждому ее слову, взгляду, жесту.

Морозкина любит играть развеселых девчонок, заводил на стройке, фабрике или в колхозе. Она выступает и в ролях, разоблачающих хапуг, спекулянтов, мещанок, воссоздает на сцене образы классического репертуара.

И портретный рисунок каждой

Старчески сгорбленная спина, шаркающая походка, глухой шамкающий голос... Неужели это Морозкина?

Нянька Анфиса уже очень стара. Куда ей противостоять Наташе, «шаршавому животному», воцаряющемуся в доме, где она, Анфиса, воспитывала трех девочек, ставших теперь такими взрослыми и такими, в сущности, беспомощными. Няньке жаль сестер, так жаль, что перед этой жалостью отступает и ее

Улыбка Лидии Морозкиной

У знаменитой русской актрисы Екатерины Павловны Корчагиной — Александровской был добрый обычай. Когда она видела очень хороший этюд или слышала очень хорошее чтение, то, подождав к себе ученика, наделяла его леденцом.

Помню, в 1943 году Екатерина Павловна, которая в те военные годы жила в Новосибирске, пришла на занятия в Дом художественного воспитания детей и привела невысокую курносую девочку.

— Вот, — сказала она, — это Лидя Морозкина. Прочти, Лидя, что-нибудь.

Лидя прочла «Ворону и Лисицу». Нет, в ее чтении совершенно не чувствовалось изящества проницательной притчи Лафонтена. Зато мы увидели русскую, крыловскую Лису. Это была ехидная Лиса с добродушно-нахальными глазами. Такая Лиса смогла бы заполучить не только кусок сыру, но и целый молочный магазин, будь этот магазин у Вороны.

— С ним была плутовка такая! — сказала Лидя и улыбнулась. С тех пор прошло без малого два десятка лет.

По рождению, образованию, деятельности и симпатиям Лидия Морозкина — сибирячка. Она

закончила театральную студию при «Красном факеле», в этом же театре работает по сегодняшний день.

Л. Морозкина рассказывает, как подростком жила и работала она в совхозе, как осталась без родных, как пришла война и вместе с нею обмороженные руки и непрекращающееся желание поехать. Рассказывает, как играла она в самодеятельных кружках, потому что не могла не играть, как помогли ей прийти в театр и совхозный зоотехник, и артисты эвакуированного к нам Ленинградского драматического театра имени А. С. Пушкина, и коллектив «Красного факела».

— Екатерина Павловна Корчагина-Александровская привела меня в профессиональный театр. Верю Павловне Редлих я обязана тем, что умею делать на сцене, — говорит Морозкина. — Но, конечно, если считать по большому счету, за свою судьбу актрисы я благодарна всем нашим людям.

Морозкина принадлежит к актрисам, которых называют «характерными». Даже острохарактерными. Поэтому рисунок ее ролей

из лучших ролей Морозкиной не только ярок, но и очень своеобразен. Эта актриса владеет драгоценным даром перевоплощения.

Вспомните Л. Морозкину в роли Тузиковой («Барабанщица»), и вам наверняка покажется, что артистка специально «поправилась на полпуда»: хриловато-визгливые интонации, какая-то семенящая походка, вульгарные манеры — все бьет в глаза, создавая непохожий на другие образы облик этой сплетницы, стяжательницы, мещанки.

Правда, артистка, сосредоточив все внимание на разоблачении воинствующего мещанства, недостаточно акцентировала мысль о политической враждебности нам тузиковых, о том, что Тузикова — это потенциальная предательница.

Но внешняя характерность — отнюдь не самоцель для Морозкиной. Как и всегда в настоящем искусстве, яркие краски нужны актрисе для максимально четкого восприятия зрителем правды воссоздаваемого ею образа.

В «Трех сестрах» Л. Морозкина играет роль няньки Анфисы.

собственное личное горе. Нянька сердцем понимает, что то человеческое, что лелеяла она в девочках, сейчас подвергается поруганию. Нам ясно: отношение к Анфисе — это своеобразный критерий человечности главных персонажей пьесы. И изгнание Анфисы из дому — чисто мнимая победа «шаршавого животного». Дело тут не только в том, что нянька живет теперь с Ольгой. Мы симпатизируем Анфисе, тому народному чувству, которое живет в ней. Вот в чем победа Анфисы и всего, что стоит за ней.

Труд, большой труд, большие поиски, разнохарактерные наблюдения лежат в основе каждого сценического образа.

В спектакле по пьесе В. Лавренцева «Светлая» Л. Морозкина выступала в роли буфетчицы Кати. Репетиция шла за репетицией, а образ никак не давался в руки. Морозкина ворошила «копилку» своей памяти, искала вокруг себя людей, могущих дать ключ к толкованию роли. И лишь во время отпуска, на юге, она натолкнулась на официанта — томного, безукоризненно выглядевшего хама. Эти черты и легли в основу образа Катьки-буфетчицы, одной из удачнейших «разоблачительных» ролей Морозкиной.

Год за годом вырабатывалась у актрисы своя особая манера. Выработались и свои «привычные ходы». «Бесперебойная» веселость Л. Морозкиной стала кое-где слишком привычной... Но, несомненно, требовательная режиссура и большой коллектив театра смогут многое спросить с актрисы и во многом помочь ей.

Возможно, Морозкиной нужны уже роли другого плана, может быть, лирико-драматического. Ей нужны роли и плана, привычного для нее, но доброкачественные (не то, что в «Проводах белых ночей»). Морозкина достойна того, чтобы играть центральные роли в специально подобранных пьесах. Короче говоря, ей нужно то же, что и любой артистке, — все более и более полное проявление своих явных и скрытых творческих возможностей.

И. БОРИСОВ.

* * *

На снимках: Л. МОРОЗКИНА в ролях Оксаны («Город на заре») и Мельничихи («Забывший черт»).